

Самид АГАЕВ

ЛЭВЭНГИ

*Итак, он встретил Сократа — умытого и в сандалиях,
что с тем редко бывало,
и спросил его, куда это он так вырядился?
Платон, «Пир»*

Итак, я встретил Фарика на Большом базаре, в оригинале Беюк базар. Он стоял с пачкой денег в руке, держал их совершенно не таясь, напротив, демонстрируя всем прохожим, повторяя скороговоркой: «Доллары, рубли, манаты, лучший курс, доллары, рубли, манаты».

Бывший начальник отдела, инженер-теплотехник, он стоял на этом углу вот уже 20 лет, с момента обретения независимости Азербайджаном, ибо другой работы в провинциальном городишке по специальности найти не мог, а семью содержать надо было. Мы обнялись, как принято, расцеловались, обменялись парой приветственных фраз. Он поинтересовался, когда я приехал и когда уезжаю. В Ленкорани меня почему-то всегда встречают этим вопросом. Видимо, чтобы знать наверняка, сколько меня придется терпеть (хотя раньше я думал — для того, чтобы успеть пригласить меня в гости, но поскольку этого не происходило, я избавился от напрасных иллюзий). Затем оглядел меня и спросил, куда это я так вырядился. Я ответил, что всегда так хожу, с тех пор как перестал зарабатывать на жизнь физическим трудом.

Фарик приходился мне двоюродным братом, кузеном, то есть сыном моего дяди. Вообще-то его звали Фахр-эд-дин, что в переводе с арабского означало — гордость веры. Но кто же это выговорит, особенно после двухсот граммов. В Азербайджане пили водку, пить вино считалось делом не мужским. В России все Закавказье меряют одним аршином. Хотя в Азербайджане пьют водку, в Грузии — вино и чачу, а в Армении — арак, то есть самогон из виноградного жмыха. Вот и рассуди, кто русским близок по духу более всего. Мусульмане, пьющие водку, или христиане, не пьющие ее. И кстати, пить водку нас научил большой брат, а точнее, военные. До развала Союза Ленкорань была нашпигована войсковыми частями под завязку, поскольку до границы с Ираном рукой подать, каких-нибудь сорок километров. Затем после развала Союза тогдашний президент Эльчибей в приступе самоутверждения потребовал вывода российских войск. Это было трагической ошибкой, имевшей для молодой республики плачевные последствия. Как только русские ушли, армяне тут же оживились и под видом коридора безопасности для Нагорного Карабаха оккупировали несколько районов Азербайджана.

Фарик повел меня в ближайшую чайхану. Это было в двух шагах, небольшое застекленное строение, четыре заскорузлых стола со стульями и стойка с самоваром, чья коленчатая труба под углом выходила в форточку. Строение выглядело временкой, но стояло здесь не первый десяток лет. Когда-то её арендовал один мой армейский товарищ, но сейчас не о нем речь. Подавальщик сразу же метнулся к нам, держа в одной руке два стакана *армуды*, а в другой — окольцованный жестяной лентой заварной чайник. Чай одуряюще пах дымом, ибо самовар топился настоящим древесным углем. Поставил перед нами стаканы, наполнил их.

— Пей, чего ждешь? — сказал Фарик. Вытягивая губы, он стал втягивать огнедышащую влагу.

— Я дома чай пил.

— Еще выпей.

— Чай не водка, много не выпьешь, — ответил я.

— Как всегда, съешь русскими прибаутками, — заметил Фарик.

— Может, и в самом деле водки, за встречу? — предложил я.

Фарик помотал головой.

- Не могу, я на работе.
- Начальник заругает?
- Издав смешок, поднял указательный палец.
- Я сам себе начальник.
- Тогда тем более. Видишь, все складывается в нашу пользу. По сто грамм?
- Ты же не пьешь местную водку.
- Не пью. Она паленая. Я с собой привез. Как говорил классик: но у нас с собой было.
- «Кристалл»?
- Бери выше.
- «Абсолют»?
- Бери ниже.
- «Смирнофф»?
- Выше.
- Ладно, хватит, – рассмеялся Фарик, – давай еще в незабудку поиграем: любишь – не любишь.
- Ты имеешь в виду ромашку?
- Тебе виднее.
- Однако для непьющего человека ты неплохо разбираешься в марках водки, – заметил я.
- С таким родственником, как ты, – резонно ответил Фарик, – любой начнет разбираться. И чего тут разбираться. Всем известные наименования. Говори, что привез.
- «Русский стандарт». Это последний писк российской водочной моды. Один татарин ее производит, Рустам Тарико.
- Лучшую русскую водку производит татарин?!
- Ну да, а чего ты удивляешься? Русскую культуру всегда обогащали нерусские. Например, Пушкин – арап, но не араб, как можно было подумать, а натуральный африканец – негр. Карамзин – татарин Кара Мурза, Мандельштам – еврей, Рюрик – варяг, скандинав то есть. Любимый певец Высоцкий – наполовину еврей. Любимый тиран Сталин – осетин. Я уже не говорю о том, как монголо-татары их обогатили. Нас, азербайджанцев, они тоже стороной не обошли. А водку якобы изобрел человек по фамилии Менделеев, а Мендель, между прочим, что бы там ни говорили, это еврейское имя. Но они все русские люди, это важно. Я к этому веду.
- Ну вот. Теперь и я выпить захотел. Ну что ты за человек. А ведь мне еще работать.
- Сколько ты за день зарабатываешь?
- Фарик пожал плечами.
- Когда тридцать, когда сорок. По-разному. Когда и пятьдесят.
- Это сколько в рублях будет?
- Пятьдесят манатов – это две тысячи рублей, – мгновенно ответил Фарик.
- Ты прямо калькулятор.
- Работа такая.
- Я дам тебе две тысячи, и ты закроешь лавочку.
- Ничего не выйдет. Я с тебя денег взять не могу. Ты мне родственник, сын тети. Уйти тоже не могу, еще ничего не заработал. Клиентов мало, кризис всех подкосил.
- Тогда я за ресторан заплачу. Будем считать, что ты дневную выручку спустил в ресторане.
- Кстати, о тетях, – сказал Фарик. – Тут ко мне одна женщина приходила, сказала, что она сестра твоего отца. Удивлен? – но я нисколько не удивился. – Она давно ищет встречи со мной. Теперь и до тебя добралась.
- А ты что же ее избегаешь?
- Нет, не избегаю. Но специально к ней не иду, я даже не знаю, где она живет. Когда я приезжаю, каждый раз мне передают, что она приходила, спрашивала обо мне. Но я ее никогда в жизни не видел. Хотя мы почти двадцать лет жили в одном городе. С чего это я к ней сейчас пойду. Папина родня, видишь ли, мою мать, царство ей небесное, не жаловала. Ну и меня, соответственно, никогда не искала. Я был в их доме всего два раза, совсем маленьким. Первый, когда дедушку паралич разбил, а второй, когда он умер. С чего вдруг у нее родственные чувства проснулись?
- Люди с возрастом меняются.
- Это неправда. Люди не меняются. Если человек – сволочь, то он таким же и останется всю свою жизнь.
- Ты ведь сейчас не о тете?
- Нет, конечно. Я ее вообще не знаю.
- Я не согласен с тобой. С возрастом люди переосмысливают какие-то вещи. Мо-

жет быть, она жалеет сейчас, что не уделяла тебе внимания.

— Поздно. Так что она хотела — мой адрес, телефон?

— Вообще-то у меня нет ни твоего московского адреса, ни телефона.

— А если б был, ты бы все выложил?

— Да, потому что не обладаю твоей завидной твердостью характера.

— А в школе, между прочим, нас учили равняться на Зою Космодемьянскую. Она вот никого не выдала.

— Но она не спрашивала твой телефон.

— Что же она хотела?

— Ладно, поехали. Все равно время обеда. Закрываю лавочку. Там и расскажу.

— А ты все же умеешь хранить тайны, — похвалил я его и полез в карман.

Но Фарик опередил меня, бросив на стол несколько монет за чай. Поднялись, вышли из стекляшки. Рынок был многолюден. Кроме основного крытого куполообразного здания, прилавки торговцев занимали еще все прилегающие улицы. Сейчас мы стояли на одной из них, самой оживленной. Здесь, в глубине, торговали в основном недорогим турецким и иранским ширпотребом: текстиль, одежда, обувь. Дичь, мясо и рыбу предлагали в начале рядов. А во дворе рынка продавали живую птицу, баранов и тому подобное, всего не перечислить.

— Тебе не мешало бы брючный ремень новый купить, — сказал Фарик. — Смотри, как он обтерся. Вот как раз ремнями торгуют. Эй, дружок, покажи-ка нам вон тот ремешок.

— Спасибо, не надо, — возразил я. — Мой ремень, хоть и потертый, зато из натуральной кожи. А эти блестящие все из дерматина. Куда пойдем?

— Поедем в Сутомурдов. Там у Зеленхоза на берегу реки новый ресторан открыли. Там хорошо кормят.

— Может, пешком пройдемся?

— Еще чего! В такую даль.

— Тогда такси возьмем.

— Не надо, у меня машина за углом, — объявил Фарик и, обменявшись взглядом с миловидной продавщицей, скучающей за прилавком соседнего магазина, повел меня за собой, лавируя между продавцами и покупателями. Смотря под ноги, я шел за ним, думая о том, что рынок — это единственная оставшаяся артерия, снабжающая Ленкорань кровью. В городе не работало ни одно промышленное предприятие; заводы, фабрики, таксопарк, мастерские — все умерли от страшной болезни, именуемой — нерентабельность. Зато было вдоволь банков, салонов сотовой связи, магазинов. Маленькие денежные кружочки, кои так любил Остап, поступали в город двумя путями: зарплата бюджетников и деньги, зарабатываемые в России. Все это стекалось сюда на рынок, где происходили товарно-денежные отношения, описанные ещё Марксом.

Вдоль улицы стояли невиданной красоты фонарные столбы. Высоченные красавцы — золотые лилии на белом глянце. Любуясь ими, я старался не опускать глаза долу, чтобы не портить впечатления, ибо там, в канаве, текла иссиня-черная жижа — открытая городская канализация. Она была неподвластна времени. Пережила царизм, большевиков, коммунистов и сейчас себя неплохо чувствовала.

У Фарика оказался выдавший виды «Пежо»-408 с автоматической коробкой передач. Машина была в хорошем состоянии, двигатель работал ровно, а передачи включались четко.

— А еще говорят, французский автопром — отстой, — одобрительно сказал я.

— Мне ее из Германии пригнали, — уточнил Фарик.

— А-а, так это другое дело, — поправился я. — Это называется — французский дизайн, немецкое качество.

Выбраться из запруженной машинами дороги оказалось делом нелегким. Фарик взмок, вырulingая между желтых дышащих на ладан такси. Таксопарк в городе давно уже не было, а тридцатилетние приватизированные когда-то «Волги» все еще продолжали работать.

— На Кубе такая же ситуация, ездят на машинах, которым сорок и более лет. Американцы ушли, а автомобили остались и все еще ездят, — заметил я.

— На Кубе, что ли, был?

— Далеко лететь, а то бы поехал. Я в кино видел, читал об этом в автомобильном журнале.

Ехать нам было недалеко, потому что в Ленкорани в любую сторону ехать недалеко, город маленький. Через пять минут выехали на железный мост тоннельного типа, похожий на собранную ребенком модель конструктора. Он лежал на двух берегах реки Ленкоранки, подпираемый одной-единственной дамбой. С него с одной стороны можно было видеть Талышские горы, а с другой Каспийское море. Мосту было больше пятидесяти лет. И ему все было нипочем. Раньше деревянная, закатанная в асфальт

проезжая часть хронически находилась в ремонте. Затем кто-то додумался мостовую устроить из швеллера двадцатки. Чтобы пойти на этот шаг, разыскали инженера, проектировавшего этот мост. Старый инженер жил в России, было ему уже 90 лет. Обрадовался возможности съездить посмотреть на свое детище. Он произвел замеры, расчеты и разрешил дополнительную нагрузку.

Оставив мост позади, съехали с высокой насыпи, свернули налево на проселочную дорогу. Справа лежал военный городок. Финские домики, построенные якобы пленными немцами. Хотя дома были добротные. Местные мастера такого качества не достигали. Первый дом от дороги остался от моего отца, армейского старшины. Прослужив какое-то время, он уволился из армии, поехал в Россию на заработки и больше не вернулся. Я прожил в нем до двадцати лет, не считая перерыва на армию, а мать до самой смерти. Теперь он пустовал до моих редких возвращений из Москвы. А я предательски выставил его на продажу, собственно, и приехал для заключения сделки.

— Остановись, я за водкой схожу, — предложил я. — Мимо дома все равно едем, у них наверняка нормальной водки нет.

— Не надо, себе оставь на похмелье.

— Я не похмеляюсь.

— Значит, ты не алкоголик.

— Не знаю, не уверен.

— А в чем ты уверен?

— Ни в чем я не уверен. Как Сократ перед смертью. Я знаю только то, что ничего не знаю. Между прочим, со мной в учебке один парень служил, его Сократом звали, он тоже был грек. Но я не его имел в виду.

— Да я понял.

— Ты вообще смысленный парень.

— Конечно.

— А что это за симпатичная продавщица? У тебя с ней шуры-муры?

— С чего ты взял?

— Мне так показалось.

— Тебе показалось? Нет!

— Ладно, не хочешь, не говори.

— А что? Это бросается в глаза?

— Нет, не бросается.

— Ну ты же заметил.

— У меня интуиция хорошая. Так что у тебя с ней? Шуры-муры?

— Скажем так, я ей покровительствую.

— *«Его превосходительство любил домашних птиц и брал под покровительство молоденьких певиц».*

— Ее парень один украл, увез в Россию, обещал жениться...

— И не женился.

— Не успел, сел за наркотики. Ей пришлось вернуться. Представь, какая у нее теперь жизнь. Дома не принимают. Снимает угол в деревне. Хорошо хоть работу нашла. В общем, все непросто. Что скажешь?

— Не усложняй себе жизнь.

— Это все, что можешь сказать?

— Пока да. Время покажет.

Повернули за высоченный каменный забор войсковой части, который в детстве я одолевал в два прыжка, и направились вдоль реки в сторону моря. Проехали еще под одним железнодорожным мостом. В детстве я рыбачил на дамбах этого моста. С него прекрасный вид на море, но его пешеходные дорожки сейчас были опасны для жизни. Идти по нему можно было только между рельсов, по бетонной плите.

— Надолго он сел?

— Не знаю, лет на десять-пятнадцать, я не спрашиваю. Сколько лет дают за наркотики?

— Примерно столько и дают. Но она не Пенелопа.

— Нет, не Пенелопа. Ее зовут Фируза. А-а, вот ты о чем. Ты о верности. Он был козел, бил ее. Верность хранят тем, кого любят.

— По-разному бывает. Это не правило.

— Скажем иначе — верность хранят мужу или любимому человеку. А он не был ни тем, ни другим.

— Что же она убежала с нелюбимым?

— Убежала с любимым, но очень скоро поняла, что совершила ошибку и разлюбила.

— В этом наши девушки выгодно отличаются от русских, в которых заложен ген страдания и мученичества, — заметил я. — Русские девушки продолжают любить даже козлов. Ты наверняка слышал такую русскую пословицу: любовь зла, полюбишь

и козла! Ты ведь знаешь про жен декабристов, это их ген.

Под мостом дорога круто взяла вверх и вправо. Здесь была развилка — прямо дорога шла вдоль железнодорожной насыпи к Зеленхозу, а влево — к устью реки. Отсюда уже были видны буруны морского прибора. Фарик сбавил ход, поскольку дорога, раздолбанная самосвалами, много лет вывозившими для строительства песок с берега моря, превратилась в подобие американских горок. «Пежо» чиркал поочередно то передним бампером, то глушителем.

— Не очень удачное место они выбрали для ресторана, — заметил я. Фарик не ответил, форсируя очередную сопку. — У меня может начаться морская болезнь от этой качки, — предупредил я.

— Шутишь?

— Нет, у меня вестибулярный аппарат слабый. Останови, я пройдусь.

— Да мы уже приехали, еще метров триста.

— Тем более, с такой скоростью я пешком быстрее дойду.

Фарик затормозил и показал на строение вдаль. Я вышел из машины и зашагал вдоль берега нетвердой походкой, бормоча вполголоса: «Какие же здесь триста метров, здесь все семьсот будут. Знаю я тамошних жителей: у них как больше версты будет». Я шел, с наслаждением вдыхая морской воздух. Здесь уже было ветрено, над рекой носились чайки, напоминая о Чехове. Справа вдоль дороги за металлическим забором росли высоченные тополя, высаженные еще при советской власти. В те времена здесь был большой экспериментальный цветоводческий питомник всеоюзного значения, так называемый Зеленхоз. Сейчас, по слухам, все было продано под коттеджную застройку. Нижние чины власти всюду вели себя одинаково — урвать, пока не сняли с должности. Противоположная сторона реки заросла камышами и выглядела довольно привлекательно. Я решил, что завтра обязательно пойду на рыбалку. «Пежо» доехал до ресторана, Фарик вышел из машины и помахал мне рукой, призывая торопиться, затем скрылся внутри.

Стены заведения были сложены из кирпича до половины, а выше большие окна для кругового обзора. Отсюда также были видны горы; на одной вершине, несмотря на май месяц, все еще лежал снег. Владелец ресторана, не мудрствуя лукаво, назвал его «Хазар», что означало Каспий. Если не учитывать раздолбанную подвездную дорогу, то место было выбрано удачно — в устье реки, на последнем пяточке суши здесь начинался небольшой залив — и дальше море. Я сразу окрестил заведение — таверной. Слово ресторан было слишком помпезным для этой хибары. У входа меня встретил парнишка лет пятнадцати и проводил в угол, где у окна сидел сын моего дяди.

— Посмотри, какой вид, — сказал он, — и скажи, что мы зря сюда ехали.

— Нет, не зря. Но Америку ты мне не открыл. Хочу тебе напомнить, что я родился здесь, как сказал поэт. *«Я вырос в тех краях, я говорил: «Закурим!» — их лучшему певцу...»* Между прочим, я был дружен с Джавадом. А ты со мной так разговариваешь, словно я турист из России. Джавад был знаменитый певец, живший в Сутомурдове, в обычной жизни он сильно заикался. Кстати, он поет еще на свадьбах?

— Не знаю, я не слежу за его творчеством. Но ты же из России приехал формально.

— Да, я из России. Но об этих местах знаю побольше твоего.

— Ну-ка, ну-ка, — насмешливо сказал Фарик. Его жена короткое время работала в краеведческом музее, с тех пор мой сын моего дяди считал себя знатоком здешних мест.

К нам уже направлялись подавальщики, каждый с подносом, с которых на стол переключевали множество маленьких тарелочек с закусками. Белый домашний овечий и желтый голландский сыр, упругая краснобокая редиска, маринованная мушмула и фаршированный баклажан, молочно-кислые соленья. Свежеиспеченная лепешка из тандыра.

— Разве мы это заказывали? — спросил я.

— Нет, но они всегда это приносят.

— Подарок от шефа?

— Здесь не Турция, подарки не делают, но возвращать неудобно, это не так дорого, не икра же. Пусть стоит, тем более что водку надо закусывать чем-то.

Шеф-повар вышел самолично принять заказ. Проявил уважение или любопытство. Подойдя к столу, он почтительно поздоровался и стал перечислять блюда ленкоранской кухни. Список заканчивался курицей-лэвэнги, то есть начиненной. В ресторанах ее готовили в тандыре. Это было наше фирменное блюдо. При каждом произнесенном наименовании Фарик вопросительно дергал головой.

— Ты чего головой мотаешь, — поинтересовался я, — словно взнузданная лошадь?

— Полегче с метафорами, я ведь обидеться могу.

— Прости, только лошадь в голову пришла. Еще верблюд так делает. Но я решил, что лошадь поэтичнее будет.

— Спасибо тебе большое, я ценю твой вкус, — язвительно сказал Фарик. — Лошадь создание, конечно же, грациозное. Хорошо, что ослом не назвал.

Стоявший рядом мальчишка-подавальщик, чтобы не засмеяться, сделал зверское лицо, ровно герой Виктора Гюго на заседании лордов.

— Пить будете водку или коньяк? — поинтересовался шеф.

— Это зависит от того, что мы будем есть, — сказал я. — Хотелось бы отведать шашлык из осетрины, а к ней полагается коньяк. Кстати, откуда он?

— Коньяк из Гянджи, только вот насчет осетрины ответ будет отрицательный.

— В Ленкорани нет осетрины?! — воскликнул я. — Этого не может быть!

— Осетрина запрещена к вылову, — мрачно сказал шеф.

— Так она всегда была запрещена, а где эти славные рубахи-парни, браконьеры? Где эти морские черти?

— На осетрину наложила лапу местная власть, — горестно продолжал шеф. — Она же вывела всех браконьеров. К морю никого близко не подпускают. Если официально заказывать — очень дорого получается, никто не берет. Дороже, чем в Москве. То же самое с черной икрой.

— Тогда приготовь нам кебаб-ассорти и принеси открытую бутылку коньяка, — шеф сказал «баш устэ» и удалился. — А я все думаю, откуда у людей ностальгия по советской власти, власти трудящихся и крестьян. Советская власть была нам мать родная. Икру мы покупали по три рубля за килограмм, я уже не говорю про осетрину.

— Это ты верно подметил, — согласился Фарик. — Я тебе рассказывал про мою библиотеку?

— Рассказывал, я тебе сочувствую.

Фарик не мог простить президенту Эльчибею перехода на латинский алфавит, поскольку много лет собирал библиотеку для своих детей. Сейчас дети в школе использовали латиницу — книги, собранные отцом, читать уже не могли. 70 лет СССР тратил огромные деньги на переводы всей мировой классики на азербайджанский кириллический язык. С тех пор прошло двадцать лет, выросло поколение, не знающее старого алфавита, а на латиницу книг уже никто не переводил. Не до того было. Да и сейчас не переводят. Фонтаны строят, дороги мрамором мостят. А что до книг, так их все равно никто не читает. Ксенофобская шутка про *культур-мультиур* обрела основание. Хотя над этой шуткой могли смеяться только невежественные *шовинисты*. Ибо в основе ее лежит правило парности из классической персидской литературы, в которой поэзия всегда главенствовала над прозой.

— Вот ты мне о достопримечательностях рассказываешь, — начал я, — мне, коренному ленкоранцу. А знаешь ли ты, например, что находилось на той стороне реки?

На противоположном берегу была большая пустошь. Фарик задумался, жена ему, по-видимому, об этом месте ничего не говорила. Тем не менее он сказал:

— Там дальше танковый полк стоял, а здесь был танкодром и стрельбище, сейчас овцы пасутся, — со смешком добавил он, указывая на десяток баранов, объедающих кустарники.

Появился подавальщик, неся початую бутылку коньяка. Я поднес горлышко к лицу и принюхался. В нос ударил резкий запах коньячного спирта. Вернул бутылку и сказал:

— Отнеси обратно.

— Водку принести? — спросил малец.

— Не надо.

Малец ушел.

— Что с коньяком? — спросил Фарик. — Паленый?

— Как ни странно, нет, просто незрелый. Это коньячный спирт, первая стадия. Ему дозреть надо теперь минимум три года в дубовой бочке. Но нашим виноделам, видно, ждать недосуг. Спирт поют и сразу продают. Как китайцы.

— А при чем здесь китайцы?

— Китайцы утром картошку сажают, а вечером выкапывают. На вопрос почему, отвечают — кушать хочется. Правда, это анекдот с бородой. Китайцы сейчас живут лучше ленкоранцев.

— Так что пить не будем? — спросил Фарик.

— Разве ты пьешь?

— Вообще-то нет, но с тобой бы выпил.

Фарик был начисто лишён вредных привычек. Не пил и не курил. Когда подошло время, женился на той девушке, которую выбрали родители. Я встретил его в Баку в 1974 году, будучи в армейской самоволке. Он как раз поступал в институт с помощью пяти тысяч рублей. Это была стоимость автомобиля «Жигули». Этот факт никак не умаляет уровня знаний Фарика, он хорошо учился, это говорит о том, на что готов был отец ради него. Он бы и сам поступил, может быть, не с первого раза, но тогда бы он

загрел в армию. А этого папа позволить не мог, заплатил на всякий случай. Дядя был состоятельным человеком, до тех пор пока не вложил деньги в одну из финансовых пирамид времен перестройки. А мой папа даже алименты не платил. Я повел Фарика в пивную, что находилась в подвале кинотеатра «Вэтэн», в самом центре Баку, недалеко от Приморского бульвара. Это был модный, стилизованный под старину пивной бар. Там стояли огромные коряги вместо столов, а к пиву подавали каспийскую копченую кильку в бумажных коробках в виде сундучков. Я выпил две кружки ханларского пива, Фарик же так и просидел, едва пригубив свою, несмотря на все мои уговоры. Спустя два года, уже после армии, в Ленкорани я затащил его в привокзальный буфет, заказал два по сто и закуску, но он категорически отказался выпить. Пришлось мне осилить двести, и я заплетаящимся языком назвал его Фариком. Теперь он пил водку и покровительствовал молодой женщине, а ведь прошло всего каких-то сорок лет.

— На том берегу, — сказала я, — находилась крепость, которую пять дней осаждали солдаты генерала Котляревского, оборонял ее персидский военачальник Садых-хан. Вообще-то Ленкорань была завоевана еще раньше, Петром I в 1721 году. Но в 1735 году русские были вынуждены отступить. А во время русско-персидской войны 1805-1813 годов генерал Котляревский, вступив в пределы Тальшского ханства, обратился к жителям с воззванием: *«Народы Тальшинские! Войска великого и всемогущего на свете русского императора всероссийского пришли сюда освободить вас из рук персиян — ваших разорителей»*. Далее он потребовал от могущих носить оружие — обратиться против персиян, их не могущих — оставаться в своих домах, и гарантировал неприкосновенность их имущества. Это заявление так повлияло на тальшей, что они принялись истреблять в лесу и в горах персидских беглецов. Генерал обратился к Садых-хану с предложением сдаться, но тот ответил отказом. Все пять дней крепость обстреливалась из пушек, но цитадель, выстроенная при помощи английских инженеров, была неприступна, ее окружали болота, река и ров. У нее были высокие каменные стены и острые зубцы, она была обнесена глубокими траншеями. На углах находились бастионы, наиболее мощные — с северной и западной сторон, остальные прикрывались болотом и рекою. Высота валов достигала пяти саженей. Ров был в четыре сажени глубиной и в десять саженей шириной.

— Сажень — это сколько? — спросил Фарик.

— Два метра с небольшим. Для более эффективного действия артиллерии с боевого корабля на берег была свезена трёхпудовая мортира. Русские батареи беспрерывно обстреливали цитадель, но без особого успеха, так как небольшие снаряды полевых орудий не могли пробить крепких глинобитных стен, а от навесных выстрелов гарнизон укрывался в блиндажах, пристроенных к внутренней отлогости бруствера. Видя бесполезность артобстрелов, Котляревский отправил в крепость второе письмо, убеждая ханов пощадить себя, жён, детей, имущество и не проливать ничьей крови, сдав цитадель. Также Котляревский писал, что он и его войско не отступит от крепости, не покоров ее оружием российского императора. Что все они умрут или возьмут крепость. И дал три часа на раздумье. Садых-хан не счёл нужным отвечать на это письмо. Тем временем положение русского отряда становилось критическим. Снаряды заканчивались, а люди страдали от холода. Кроме того, было получено известие о движении крупных сил на выручку Ленкорани. И тогда генерал Котляревский решил брать ее штурмом. 1 января 1813 года, по новому стилю 13 января, в пять утра колонны в полной тишине подошли к крепости, однако персы обнаружили их и открыли шквальный огонь. Тем не менее, русские форсировали ров и полезли на стены с помощью лестниц. В первых рядах были убиты почти все. Тогда Котляревский, несмотря на ранение, лично возглавил штурм. И крепость была взята, но ценой огромных потерь. После этого ожесточение русских солдат достигло такой степени, что они перебили в крепости весь гарнизон в количестве четырех тысяч человек, не щадя ни стариков, ни беременных женщин и даже грудных младенцев. Оставшиеся в живых пытались найти спасение в реке, но были встречены картечью двух русских орудий, установленных на правом берегу. Возвращаясь обратно, беглецы наткнулись на штыки солдат. Пленных не брали. Садых-хан и еще десяток знатных ханов погибли. Самого Котляревского нашли под телами убитых, с вытекшим правым глазом, с раздробленной верхней челюстью и простреленной ногой. Он был весь изранен, но все-таки остался жив. С тех пор Ленкорань находилась в составе Российской империи. Поэтому, когда нашему брату в Москве или где бы то ни было говорят «нерусский», они в корне ошибаются. Мы уже двести с лишним лет как русские.

— Неожиданный вывод, — заметил Фарик. — Но кто бы мог подумать? Вот выйди сейчас на улицу, останови десять человек, уверен, что никто про эти события ничего не слышал. Оглан, — спросил он у подавальщика, — ты слышал что-нибудь про Ленкоранскую крепость?

— Конечно, слышал, — отозвался мальчик, — она до сих пор там стоит, туда экс-

курсии ходят, — он показал рукой.

— Ты путаешь, там тюрьма, — сказал Фарик, — но тоже достопримечательность, 18 век. Между прочим, там сидел Сталин за ограбление почтового поезда.

Подавальщик спросил:

— Вам довгу холодной подавать или горячей?

— Мне горячей, — распорядился Фарик.

— Когда это ты успел довгу заказать? — удивился я. — Но это кстати, мне пусть холодной несут. Горло промочить надо, пересохло от долгого рассказа, — принесли суп, и мы ненадолго прервали беседу. Довга была классическая с горохом-нут, хотя мама всегда варила без него. Покончив с супом, я заметил: — Когда я работал на конвейере ЗИЛа, наши лимитчики по утрам перед сменой похмелялись кефиром. Я думаю, что довга им бы больше понравилась.

— Так странно от тебя слышать, что ты работал слесарем на конвейере. Из уст профессора, ведь ты профессор?

— Профессор, — подтвердил я, отодвигая кясу в сторону. — Но начинал я на производстве по сборке автомобилей ЗиЛ-131. Видел фильм Чаплина «Новые времена»? Вот примерно так и я крутился на конвейере. Так что хотела от тебя моя тетя?

Фарика этот вопрос почему-то затруднил. Он вдруг засуетился, громко потребовал от подавальщика убрать использованную посуду. Осведомился о готовности шашлыка, хотя через окно было видно, что шеф все еще стоит над мангалом, над которым поднимался густой белый дым — признак баранины исключительного вкуса. Я рассеянно следил за его странным поведением. Фарик почему-то тяготился с ответом. А мне было лень облегчать ему задачу наводящими вопросами.

— Она сказала, — наконец, произнес Фарик, — что...

Он молчал так долго, что я не выдержал.

— У тебя что, склероз, не можешь вспомнить?

— Твой отец умер, — выдавил Фарик. — Прими мои соболезнования.

Я ничего не испытал, ничего. Только подумал, мысль промелькнула о том, что я теперь полный сирота — в пятьдесят семь-то лет. Пятьдесят лет мы с ним не виделись. То есть абсолютно никакого контакта. Два-три письма за все время. В детстве, как ни странно, я вообще не замечал его отсутствия, тем более в зрелом возрасте. Бывали моменты, когда я хотел разыскать его. Просто так, не сообщить, как это принято в кинематографе, или выказывать обиду. Но в моей памяти были впечатаны слова матери, сказанные ею однажды: «Узнаю, что ты поехал к нему, повешусь». Не имело значения, сделала бы она это или нет. После того, как она умерла, я тем более не мог этого сделать, не предав ее. Почему-то обязательства перед умершими имеют для нас большую силу, чем перед живыми. Я знал одну светскую пожилую даму, которая кичилась тем, что много лет хранит верность покойному мужу-генералу, хотя при жизни ему изменяла. Неудачная ассоциация. Сейчас я понимаю, что в ее словах было рациональное зерно, хотя в момент произнесения я счел это вздором. Фарик деликатно смотрел в сторону, давая мне справиться с чувствами, но это было лишнее, чувств не было. В моей жизни был период сентиментальности, когда при воспоминании об отце у меня наворачивались слезы, но он прошел.

Подавальщик принес большое блюдо, на котором радовали глаз несколько видов шашлыков из баранины, курицы и субпродуктов, как-то: печень, легкое, сердце. Тоже очень вкусно, если под водку. Все было щедро усыпано рубленой зеленью, перемешанной красным сладким луком и гранатовыми зернами, обрамлено запеченными овощами: сладким и острым перцем, помидорами и баклажанами. Это называлось ассорти. От блюда поднимался густой пряный запах.

— *«Грешно такую закуску помимо водки...»* — рассеянно произнес я.

— Да? Ты так считаешь? А ведь я был уверен, что этим все и кончится.

— Это цитата, — возразил я, — шутка. Но выпить все равно придется. Помянуть батюшку по русскому обычаю. Совсем урусолубетмишям.

— У нас на поминках не пьют, — счел необходимым напомнить Фарик.

— На поминках нет, пьют после поминок. Я много раз был этому свидетель.

— Ну это когда как. Все-таки мы не русские.

— Ты ошибаешься, мы все русские.

— В каком смысле? Потому что нас Петр I завоевал?

— Именно, слово русские не существительное, а прилагательное, оно отвечает на вопрос — *чьи*. Русские. Самое смешное, что сами русские и есть нерусские в буквальном смысле этого слова.

— Ты меня совсем запутал.

— Сейчас объясню. Только скажи, чтобы водку принесли.

— Сколько грамм заказать?

- Бутылку.
- Не многовато ли будет? Ты на меня не рассчитывай, я за рулем.

– Я всегда заказываю в ресторане бутылку и велю открыть при мне. Все какая-то гарантия, что не разбавят водой.

На зов Фарика пришел подавальщик.

- Какая водка есть? – спросил у него Фарик.

Тот перечислил с десяток названий, половина из них была местного производства – «Хан», «Агсу», «Амбарная», «Секрет», «Атланта», из российских в наличии имелись «Путинка», «Кристалл», «Зеленая марка» и «Смирнофф».

– Надо же, – с горечью заметил я, – осетрины нет, а водки – хоть залейся, как говорили у нас ребята на заводе. А раньше было наоборот. Икры, осетрины вдоволь, а водка только одного сорта – «Московская», с зеленой этикеткой за три шестьдесят две. Ладно, водка хоть холодная? Бутылку Смирновской неси, – малец исполнил просьбу. Я проверил пробку на целостность, собственноручно свернул ее, услышав характерный хруст, разлил по рюмкам, а бутылку вернул мальчику: – Положи в морозилку, – малец удалился. Я поднял рюмку и сказал: – *Аллах ряхмятэлясин!*

– Это кощунство, – укоризненно сказал Фарик, – пить водку и произносить такие слова.

– Хорошо, да упокоит господь его мятежную душу, – безропотно согласился я. И немедленно выпил. Мне стало вдруг так хорошо, словно мама погладила меня по голове. Я не шевелился, стараясь как можно дольше удержать это ощущение. Перед этим я не пил ровно месяц. Проверял, не стал ли я алкоголиком. Фарик тоже выпил, из солидарности со мной, осторожно, со страдальческим выражением на лице.

– Ешь, – сказал он, поднося ко рту огромную ярко-красную редиску со срезанными боками. Хруст от нее донесся до небес.

Я же, понюхав маринованный перец – *бибяр*, стал вновь наполнять рюмки, объяснив свои действия:

- «Русские после первой не закусывают».

- Так все-таки ты русский?!

– Это тоже цитата, но я русский, русский азербайджанец, и ты тоже, хотя ты уже не русский. С 1991 года. Потому что «русский» – это не национальность, а принадлежность. Вообще сначала произносилось – русские люди, как совсем недавно – советские люди. Потом слово люди отпало. Может быть, ты слышал про великое княжество Литовское и Русское, которое было соперником Московского княжества. Так вот, в Литовское Русское княжество входили Брестские, Витебские, Волыньские, Галицкие, Луцкие, Минские, Полоцкие, Слуцкие и другие земли. В зависимости от Литвы были Смоленское, Псковское, Галицко-Волыньское и Киевское княжества. Многие русские земли, стремившиеся найти защиту от монголо-татар, присоединялись к Литве. Великий князь Гедемин и его сыновья были женаты на русских княжнах, при дворе и официальном делопроизводстве господствовал русский язык. Литовской письменности в то время не существовало. «Русские» – так продававшаяся монголо-татарам и получившая ярлык на княжение Москва называла покоренные народы – киевлян, новгородцев, тверичей, вятичей, чудь, весь, мерю, пермяков, мордву, литовцев и других. Называла так, потому что боролась против исконной Руси на стороне татар, чтобы отличить новых подданных от москвитов, или москалей. Количество поработанных народов росло. Русский татарин, русский пермяк, русский литовец. Любой русский человек, если покопается в своей родословной, обнаружит, что он не русский. Прилагательное русский со временем потеряло свое качество, и сами коллаборационисты стали называть себя русскими. Вообще-то национальность – это язык, культура и гражданство. Это сказал не я, а один английский социолог, не помню его фамилию. Но русские националисты так не считают. Они не хотят слышать, что национальный состав России насчитывает 190 народов. Доходит до маразма. Стоит на их шабаше чернявый парень с монголоидными чертами лица и кричит: «Долой нерусских!» Чернявый, а, чернявый! – я ведь тоже русский, не веришь, давай сравним наш словарный запас. От того, что паспортистка записала его русским, не означает, что он таковым является. Как они свою *русскость* определяют, откуда ведут родословную, от монголо-татар, от Петра? Так мы тоже были и под монголами, и под Петром. Почему он русский, а я нет? И вообще не тот русский, у кого это написано в паспорте. А тот, кто, слыша – Тамань, добавляет, что это самый скверный городишко на юге России.

- Кажется, у тебя наболело? – сказал Фарик.

– Лучше сказать, накипело, – я сделал оглану знак, и он принес бутылку из ледника, разлил по рюмкам. – Вот ты азербайджанец, да? – продолжал я.

- Ну, – предчувствуя подвох, согласился Фарик.

- А ты уверен в этом?

- Теперь уже нет.

— И правильно, потому что Ленкорань — это земля тальшей, а мы с тобой, несмотря на то что родились здесь, в ближайшем рассмотрении тюркоязычные персы, но и это не факт. Что там говорил Воланд про родословную — причудливо тасуется колода. Ты в Барде был когда-нибудь?

— Нет.

— А я был.

— И что ты там делал?

— Хлопок собирал. Барду в средние века заселили туркмены, племена Гарагоюнлу и Ак-гоюнлу, то есть Черного барана и Белого барана. И они тоже считают себя азербайджанцами. А таты, лезгины, джухуды, то бишь нашеньские евреи, молokane, аварцы, удины, русские в конце концов, они все азербайджанцы, так же как люди, населяющие Россию, — русские. А до этого наша земля в 7-м веке была завоевана арабами, которые принесли сюда ислам. Их сменили турки-сельджуки, потом хорезмийцы, а за ними монголы и так далее. А в глубине веков над Азербайджаном реяло знамя Александра Македонского, так, может, в нас течет и греческая кровь. А после него были римляне. Гней Помпей воевал Кавказскую Албанию. Поэтому когда ты говоришь — азербайджанец, надо представлять, что за этим стоит... Я вот недавно узнал, что мой прадед со стороны отца был родом из Йемена, то есть во мне есть и арабская кровь, каково, а? Национальность человека — это сложная вещь. Никто с уверенностью не может сказать, какой он национальности. А теперь надо выпить.

Фарик неуверенно взял рюмку.

— Может, тост скажешь? — предложил он.

— Пей, — сказал я. — *«Будет много мук, пока твой век не прожит. Стечение планет не раз тебя встревожит. Когда умрем, наш прах пойдет на кирпичи, и кто-нибудь себе из них хоромы сложит».*

— Я бы хотел выпить за здоровье, а не за упокой, — возразил Фарик.

— Я хотел тебя приободрить.

— Тем, что из меня кирпичи сделают? У тебя не получилось.

— Ничего другого на ум не пришло, извини. А это — Омар Хайям.

— Ты даже слезинки не обронил, — сказал сентиментальный Фарик. — Я не знаю, что со мною будет, когда отец уйдет в иной мир, — и глаза его немедленно наполнились слезами.

Его отец, мой дядя по материнской линии, разменял десятый десяток. Надеюсь, что я в него по генетике. Отчего-то хочется дожить до 90 лет.

— Фарик, не путай божий дар с яичницей, — сказал я ему. — Ты всю жизнь прожил с отцом, а я нет. Он тебя любит, а меня мой бросил. В этом вся разница.

— Тем не менее, ты вырос. Стал профессором. Жизнь прожита не зря.

— Чья? Моя или его? — этот вопрос поставил сына моего дяди в тупик. Я не стал ждать ответа. — Жизнь просто прожита, зря или не зря, это не имеет никакого значения. Человек приходит в мир, выполняя определенную функцию продления жизни биологического вида. Как сказала Диотима устами Сократа: «Соитие мужчины и женщины — дело божественное. Зачатие и рождение суть проявления бессмертного начала в существе смертном». А мы говорим любовь, громоздим вокруг столько слов, чувств, а это всего-навсего вселенский механизм продолжения вида. Или, как говорил Платон — *идеи*. Идеи человека. Что еще сказала тетка или она специально нашла тебя, чтобы передать тебе эту скорбную весть?

— Ты попал в самую точку, — ответил Фарик, он взялся за рюмку, но в этот момент у него зазвонил телефон. Он вытащил мобильник и приложил к уху. Лицо его расплылось в улыбке, но встретившись со мной глазами, он эту улыбку стер, как не приличествующую моменту. — Это она, — сказал он, зажав микрофон, — я выйду на пару слов, ладно, не скучай.

Глядя, как он прохаживается по берегу реки, приложив телефон к уху, и что-то объясняет своей пассии, я мучительно извлекал из глубин памяти последнюю встречу, воспоминание об отце. Картинки менялись, как в диафильме, и их было много, к моему удивлению. Три рыбалки, две охоты, прогулки. В первый раз он уехал, когда мне было пять лет. Уехал на заработки, вернулся с новой женой. Окончательно переселился в Россию, когда мне было семь лет. С тех пор я его не видел. Прошло 50 лет, и вот он умер. Это глупо и несправедливо. Почему, потеряв отца однажды, надо пережить потерю еще раз, спустя пятьдесят лет. И эта фантомная тетька сейчас появляется, чтобы разбередить давно зажившую рану. Почему на меня должна ложиться двойная тяжесть утраты. Восточная пословица гласит, что при разлуке уезжающий уносит с собой лишь одну четверть горя разлуки, три четверти приходится на долю того, кто остается. Фарик вернулся довольный, потирая руки, схватился за бутылку, наполнил мою рюмку. Сам пить не стал.

— Мне больше нельзя, — объяснил он, — я за рулем.

— У тебя сегодня свидание? — спросил я. — Это так здорово. В 55 лет роман с молодой женщиной.

— Но, но... — сказал Фарик, — попрошу без зависти. Сглазишь.

— Не бойся, моя зависть белого цвета. А чего хотела девушка? Встречи? Так я могу тебя отпустить ради такого дела. Она где живет?

Фарик назвал деревушку, находящуюся в предгорьях.

— Чудное место, — добавил он, — лимоны растут, фейхоа. Оттуда видно море, можешь себе представить?

— Может, вместе съездим, навестим ее? — предложил я. — Чаю попьем.

— Ну, конечно! Ты свои российские замашки брось. Ее из дома выгнали за то, что она связалась не с тем парнем. А если мы еще приедем, то выгонят из деревни.

— Ты прав, это я погорячился.

«Похищение» девушки обычно практиковалось, если девушку не отдавали за парня или у него не было денег на свадьбу и подарки невесте. В Азербайджане свадьба была очень дорогим, помпезным и хлопотным удовольствием. Часто родители на годы влезали в долги ради этого. Обычно через год после похищения, часто с рождением ребенка, стороны мирились. Но бывало и так, как у этой девушки.

— Просто позвонила, чтобы поговорить. Скучает, говорит, общения хочет.

— Смотри, брат, наживешь ты проблем на свою лысую голову.

— Никаких проблем не будет. Я ее сразу предупредил, что ничего серьезного между нами быть не может. И она сказала, что ей от меня ничего не нужно, кроме общения.

— Я тебе одну умную вещь скажу, только ты не обижайся. Девушки сначала говорят именно так, а потом впиваются в тебя, как клещ, притом энцефалитный. Но с этой девушкой, я уверен, все будет иначе.

— Вот это правильно, — согласился Фарик, но было видно, что он очень надеется на это, пытается себя уверить.

— За это и выпьем, — предложил я.

— Подловил, не могу отказаться.

Мы выпили и закусили. Я красным укусным перчиком, а Фарик — маринованным фаршированным баклажаном, фирменным ленкоранским. После такой закуски о свидании с девушкой не могло быть и речи. Да и спать надо было ложиться одному в комнате. Герой лучшего романа Хемингуэя любил тушенку с сырым репчатым луком и честно предупреждал, что после этого к нему лучше подходить с подветренной стороны. Я сказал об этом Фарику, для того чтобы он окончательно выбросил из головы мысли о randevu. А то ведь выпимши нашего брата часто на подвиги тянет, а горные дороги, они и трезвому водителю голову кружат. Шашлык как-то быстро закончился, и мы заказали еще одно фирменное ленкоранское блюдо, курицу-лэвэнги. Вообще-то надо было сделать это сразу, потому что ждать ее долго. Но аппетит приходит во время еды. Поэтому мы заказали *гутабы* с разной начинкой — с мясом, сыром и зеленью, от *гутабов* с потрохами я наотрез отказался. Плохие воспоминания. А водка пилась удивительно легко. А такое бывает в двух случаях — в горе и в радости. В радости пребывал Фарик. Ну а к горемыкам можно было с некоторой натяжкой причислить меня. Вдруг щелкнула еще одна картинка. Пятьдесят лет прошло, а у меня перед глазами все как наяву. Солнечный день. Мы с отцом сидим в чайхане, на столе лежит его летняя соломенная шляпа. Отцу в то время было лет 35, я полагаю. Из чайханы к нему домой, где он жил с новой женой и новорожденной дочерью, мы шли пешком. А это было довольно далеко от центра. Сейчас я вдруг сообразил, что у него просто не было денег на такси, и автобусного маршрута в его поселок не было. Он снимал там комнату. Я помню, как заглядывал в кроватку к новорожденной сестре. Пятнадцать лет назад судьба свела меня с сахалинцами, мужем и женой. Там жил мой отец. И я попросил их разузнать о нем что-нибудь. Они добросовестно исполнили мою просьбу. Отца не нашли, выяснилось, что он ушел и от этой жены, как колобок, и живет у какой-то молодой бабенки. Это в 70-е лет, я даже испытал гордость за него. Мне переслали адрес его дочери, той самой, в чью кроватку я заглядывал. Она жила в Хабаровске. Я написал ей письмо, однако ответа не получил. Еще через несколько лет одна из моих студенток отправилась на Сахалин к своему жениху. Я обратился к ней с аналогичной просьбой. Она вернулась с известием о том, что никаких следов моего отца ей найти не удалось. Адреса, на который я в детстве писал редкие письма и до сих пор помню наизусть, более не существует. Нет ни улицы, ни дома. Вообще эту часть города снесли к чертовой матери. Мне кажется, что он был одинок в конце жизни. Ведь что посеешь, то и пожнешь, это я говорю без злорадства. После этого я навсегда оставил попытку что-либо разузнать о нем, и вот теперь тетя вспылала ко мне родственными чувствами. Как говорится — на то щука в озере, чтобы карась не дремал.

Я вопросительно глянул на Фарика, и он заговорил:

— Она сказала, что у нее есть какие-то бумаги, остались после него, не знаю,

документы или записные книжки. Я не понял. Короче говоря, если ты придешь к ней, она передаст их тебе.

— Почему же она просто не передала их тебе?

— Понятно почему, она ищет встречи с тобой.

— Это шантаж?

— Ну, не будь так категоричен, может быть, она без умысла, своим женским умом недалекий. Хотя я знаю, что она пишет стихи.

— Неужели?

— Да, печатается в каком-то местном журнале. Вы родственные души. Оба последователи Мельпомены, служители муз. Одна богиня простерла над вами свою длань.

— Не одна, разные, надо мной Мельпомена, а над ней Талия. Однако смотри, как ты заговорил, прямо Гомер.

— Она оставила номер телефона, запишешь? — я молча разливал водку. — Что скажешь?

— Нет.

— Вот так сразу нет и все? Подумай. Я понимаю твою обиду. Но обида — это, если вдуматься, вздор. По большому счету, ей от тебя ничего не нужно. Ничего, кроме разговора. Сейчас ты плоть и кровь ее родного усопшего брата. Не будь жестоким, тебе это несвойственно. Ведь ты мягкий и добрый человек.

— Ладно, адвокат, бери рюмку. Еще немного, и я подумаю, что она дала тебе не только номер телефона.

— Как тебе не стыдно...

— Вообще-то я имел в виду деньги. Но я понимаю, у тебя роман с молодой девкой, все мысли вокруг этого. Видишь ли, дорогой мой кузен, меня сейчас совершенно не интересуют ее мотивы. И дело здесь вовсе не в обиде. Я человек действительно мягкий и отходчивый. Просто объясни, зачем мне теперь нужны эти бумаги. Он что, погиб на фронте? Пропал без вести? Все эти годы в нашей стране не было войны. Уж за 50 лет можно было разориться на билет, найти меня. Просто из любопытства. Я не мог этого сделать, не предав мать, а уже ему-то никто не мешал. Меня от него не прятали. Но он не сделал ни одной попытки. Зачем я теперь пойду к его сестре? Зачем я буду читать его бумаги? Чтобы оторвать корку от раны? Тебе не кажется, что это довольно унизительно и мучительно для меня?

— Гордыня, — сказал сын моего дяди, — один из семи смертных грехов.

— Нет, не гордыня. Достоинство. Ты знаешь, мне как-то вдруг пришло в голову, что моя мать, пребывая на небесах, освободилась от бремени человеческих страстей. И возможно, сожалеет о том, что запретила мне искать отца. Но я все равно не стал искать встречи с ним. Потому что я вдруг сообразил, что увижу совсем другого человека, немощного старика. А ведь в моей памяти он молодой сильный красивый мужчина. Таким образом, я, лишившись общества отца когда-то, теперь в зрелом, если не сказать, пожилом возрасте потеряю единственное, что у меня есть — детские воспоминания. Его новый облик сотрет все. Эти пресловутые бумаги — событие того же ряда. Ибо сказано: *«Путешествие в обратное я бы запретил, я прошу тебя, как брата, — душу не мутить»*. Так что, Фарик, не трави мне душу.

Фарик развел руками:

— Пожалуй, возразить мне нечего. Раз уж ты заговорил стихами. Решать тебе. И стихи, главное, к месту.

Я не мог остановиться.

— У нас в техникуме, где я учился на автомеханика, — это было мое первое техническое образование, после этого я закончил еще два вуза, — электротехнику преподавала старая еврейка, эдакая экзальтированная особа, увешанная браслетами, бусами из кожи и дерева, серьги из каких-то редких камней. Впрочем, это я тогдашними глазами называю ее старой, на самом деле ей было не больше пятидесяти, то есть примерно как мне сейчас. Себя-то я старым не считаю. Смешно, да? Но дело не в этом. Как-то она сказала, что даже дикий зверь не бросит никогда своего детеныша, пока он не вырастет, в отличие от человека. Или как сказал другой поэт: *«Лишь только человек, в отличие от животных, уйти способен от того, что любит»*. К электротехнике ее слова не имели никакого отношения. Ее дочь бросил муж, она переживала и вдруг заговорила об этом на уроке. Впрочем, все это запоздалые слова. Наливай...

— Я больше не буду. Я за рулем.

— Ты это говоришь перед каждой рюмкой.

— Это говорит о моем постоянстве.

— *Постоянству пьющих поем мы песню*, — по-гомеровски произнес я, пытаюсь попать горлышком водочной бутылки в отверстие рюмки, но Фарик обеими ладонями закрывал ее, держа глухую оборону. В этот момент, опережая шефа, в зал ворвался запах запеченной в тандыре курицы-лэвэнги. Причем было очевидно, что курица при

жизни питалась настоящей пшеницей, не чета всяким там бройлерным. И Фарик дрогнул, ослабил хватку. В дверях появился шеф, неся на подносе запеченную до румяной корочки домашнюю птицу. Фарик капитулировал и убрал руки. Острейшим ножом шеф развалил курицу на две части, открыв взору начинку — прокрученный через мясорубку красный лук с грецкими орехами, обильно сдобренный алычовой пастой. Мы начали с крылышек, каждому по одной, благо в курице всего поровну, почти всего. Она была не очень большая, что только делало ее вкуснее.

— Фарик, ты ел когда-нибудь утку по-пекински? — спросил я.

— Я дальше Баку никуда не ездил.

— Счастливый ты человек, имей в виду, что находишься в компании таких людей, как Саади и Кант. Они тоже никогда не покидали пределов родного города. Что может быть лучше для человека, чем родиться, жить и умереть в родном городе. Сократ даже принял смерть, не желая жить изгнанником, вернее, беглецом на чужбине. Переходя на язык москалей — он не хотел на старости лет становиться *нерусским*.

— Сократ — знаменитый греческий философ, — уточнил Фарик, видимо, на всякий случай.

— Точно так.

— А какое отношение это имеет к пекинской утке?

— Ну не скажи, искусство кулинарии — это почти философия.

— Мы сейчас об утке говорим или о Сократе, что-то я запутался?

— Надо еще выпить.

— Ни в коем случае. Я за рулем.

— Я это уже слышал, ты твердишь об этом весь день, смени пластинку. Кстати, здесь есть музыка?

— Музыка сейчас есть везде. В каждом мобильном телефоне. Включить?

— Не надо. Я хотел бы послушать какой-нибудь азербайджанский романс. Ты знаешь, мой отец любил слушать *мугамы*. А я их терпеть не мог. Раньше на радио час *мугама* был. Он сиделся возле радио и слушал, и в это время его лучше было не трогать. Я как-то стал лезть к нему и получил пощечину, представляешь?

— Нет, меня отец никогда не бил.

— Это вдвойне несправедливо. Меня мой бил и в то же время его не было. Обидно, да?

— Да, — согласился Фарик, — это обидно. А все-таки при чем здесь утка?

— Я хотел сказать, что знаменитая пекинская утка никогда не сравнится с этой курицей-*лэвэнги*. Просто никто об этом не знает.

— А при чем здесь Сократ?

— При чем — не знаю, я как-то упустил нить Ариадны. *«Нить здравого смысла не упусти из рук, чтоб не упал и ты от головокруженья»*. Сократ был приговорен к смерти в Афинах в 399 году до нашей эры. Разве ты не знаешь об этом? Он предпочел смерть бегству.

— Кто же этого не знает, — уклончиво ответил Фарик, и тут же спросил: — Почему? Почему он предпочел смерть?

— Это сложный вопрос. За ним целое мировоззрение.

— Хорошо, что не философская система. А в двух словах?

— Можно и в двух словах. Только у нас водка кончается. Скажи, пусть еще принесут, — я ожидал сопротивления, но Фарик не стал спорить. Вторая бутылка была из морозилки, то есть покрыта инеем. Я похлопал по плечу подавальщика. — Молодец, быстро реагируешь. Как сказал граф Толстой: «А графинчик, подлец, инеем зарос».

— Лев Толстой не мог этого сказать, — блеснул эрудицией Фарик. — Он был вегетарианцем.

— А я не про Льва, я про Алексея.

— Так бы сразу и сказал.

— Ты видел такой фильм «Жизнь Пи»?

— Послушай, притормози, — взмолился Фарик, — твои познания велики, я не сомневаюсь в этом, но давай сначала с Сократом закончим. С пекинской утки начали.

— Это все взаимосвязано. Просто небольшое отступление. Впрочем, будь по-твоему, вернемся к Сократу. Ему предъявили обвинения в том, что он не чтит богов и развращает молодежь. С современной точки зрения, за первый пункт в России и сейчас можно загреметь по статье «Оскорбление чувства верующих». А со вторым пунктом интересно то, что развращать юношей в прямом смысле этого слова было можно, то есть заниматься непотребством, с нашей точки зрения. А вот влиять на умы — считалось преступлением. Обвинителей было трое — Мелет, неудачливый стихоплет и сочинитель трагедий, ритор Ликон и кожевник Анит. Все обвинители в разное время были обижены или оскорблены Сократом. Бездарный поэт, посредственный оратор и богатый кожевник, чей сын входил в число почитателей Сократа, — он был идейным

противником. Судей было 501 человек, и первое голосование разделило их. 220 против 281-го. Обвинение было вздорным. Сократ, защищаясь, легко опроверг все пункты, но выступление было таким резким, что он разозлил толпу, судившую его. К тому же в виде наказания себе он предложил не денежный штраф, а даровой обед в Пританее. Философу дали возможность вымолить себе прощенье. По закону того времени подсудимому давали возможность в противовес назначить себе самому наказание, и проводилось второе голосование. Вот тогда-то Сократ, словно в насмешку, назначил себе денежный штраф в 30 мин и даровой обед в Пританее. После этого за смерть проголосовало 360 человек против 141. Приговор был окончательным. Месяц длилась эта известная история с кораблем на Делос, во время которой действовало табу на смертную казнь. На протяжении этого месяца его свободно навещали друзья, родные. Его уговаривали бежать. Не только друзья. Даже недруги надеялись на то, что он совершит побег. Приговор был несправедлив, слишком суров, вынесен сгоряча. Поостыв, люди поняли, что перегнули палку. Казнь легла бы на Афины несмываемым позором. Но Сократ отказался от побега. На уговоры друзей он отвечал многословными доводами, некоторые из них мне кажутся сомнительными. К примеру, он выводил свою обязанность принять приговор из того, что до сих пор его устраивали законы Афин. И почему-де сейчас он не должен закону подчиниться, объявив его несправедливым. Но на меня произвели впечатление другие доводы.

Первое. Бежать он должен был вместе с семьей, и он не хотел обрекать своих сыновей на участь бесправных чужаков. А если бы он бежал один, то подверг бы семью ostracismу. Второе. Он не хотел, чтобы кто-нибудь сказал ему — отчего ты, 70-летний старик, так цепляешься за свою жизнь? Цитируя Платона: «А то, что ты старый человек, которому, по всей вероятности, недолго осталось жить, решил так малодушно цепляться за жизнь — этого тебе никто не заметит». И, наконец, третье. У Сократа был внутренний голос, к которому он прислушивался всю жизнь. Он называл его *гаймоний*, то есть — демон. Этот демон не раз выручал его в тяжелых жизненных ситуациях. По свидетельству Платона, Сократ сказал друзьям, что в тот день, когда он вышел из дому, чтобы отправиться на суд, демон молчал, как это часто бывало. «Значит, он считал, что я поступаю правильно, он бы возразил, знай, что смерть — зло. Никто не знает, является ли смерть злом. Или это забвенье, подобное глубокому сну без сновидений. Возможно, вся наша жизнь не стоит этого сна». Из молчания демона он понял, что прожил отмеренную ему жизнь. И принял этот факт с хладнокровием истинного философа.

Я замолчал и стал смотреть в окно. На противоположном берегу стоял рыбак и методически черпал воду из реки устройством, именуемым паук, напоминающим одновременно и перевернутый ковш. На концы скрещенных изогнутых жердинок была натянута сеть. Над его головой носились чайки в надежде, что им тоже что-нибудь перепадет из добычи. Заросли камышей за его спиной воскрешали в памяти картинку детства. От железнодорожного моста и до самого устья на обеих берегах не было места, на котором бы я не сидел с удочкой. А двести лет назад здесь были болота и среди этих болот стояла цитадель, последний бастион Персии перед северным соседом. 18 декабря 1813 года отряд Котляревского форсировал Аракс и, пройдя восемьдесят верст напрямик без воды и дорог по Мугани через солончаки, вязи и топи, претерпевая холод и стужу, вступил в Тальшское ханство. Здесь они наткнулись на 500 персидских всадников под командованием Абу Салима, которые, уклонившись от боя, бежали в Аркиван. Вскоре русский авангард встретил кавалерийский отряд сардара Пир-Гулы-хана в количестве тысячи сабель. После перестрелки персы отступили, преследуемые казаками. Затем Котляревский двинулся на Аркиван. Аркиванский гарнизон в количестве 1500 персидских сарбазов и 400 русских дезертиров под командованием Бала-хана и Аскер-хана покинул Аркиванскую цитадель, оставив в ней 2 орудия при всём артиллерийском запасе, провианте и фураже. Для преследования персиян Котляревский послал 400 егерей и 300 казаков под начальством подполковника Ушакова, который преследовал противника на расстоянии 15 вёрст. В ходе преследования в плен сдались 50 русских дезертиров и было перебито до 300 персиян. Садых-хан укрепился в ленкоранской цитадели с четырехтысячным гарнизоном. Правитель Азербайджана принц Аббас-Мирза послал ему наказ со словами:

«Надеясь на твою честность и глубокий патриотизм, я вполне уверен в том, что ты не изменишь своему отечеству, а будешь защищать вверенную тебе крепость до смерти, не отступая малодушно перед неприятелем, если даже целые горы вражеских сил ополчатся и восстанут с ожесточением против тебя и твоих храбрых воинов, зная, что защищаемая крепость составляет собою ключ к сердцу Персии. Да поможет тебе великий Аллах в осуществлении нашей надежды».

27 декабря 1812 года Котляревский отправил Садых-хану письмо с предложением о сдаче Ленкоранской крепости. В числе прочего он писал:

«По воле моего главнокомандующего я пришёл освободить Тальшинское владение из рук персиян и, следовательно, должен взять Ленкорань. Зная Вас, сколько со стороны храброго, столько же благоразумного предводителя, считаю необходимым предупредить, что ваше сопротивление будет напрасно, а потому я предлагаю вам согласиться сдать крепость добровольно, во избежание вредного и напрасного пролития крови, пощадив своих и моих ратников. Подумайте, что вы, следуя благоразумию, сохраните жизнь, достоинство и имущество ваше и всех командующих; в противном случае потеряете всё, не внемля гласу здравого рассудка. Впрочем, мой долг вам сказать, а в вашей воле избрать; только после я буду прав перед Богом и человечеством. На сие послание ожидаю ответа через три часа и для того мною приказано не бомбардировать крепости впредь до получения от Вас ответа.

В ожидании мирного и доброго ответа остаюсь,

П.С. Котляревский».

Садых-хан ответил в тот же день многословным письмом. Сейчас, спустя двести лет, очевидно, что в итоге этого сражения в выигрыше остался Азербайджан, получивший сначала статус окраины Российской империи, затем Азербайджанской республики в составе СССР. А теперь и вовсе ставший независимым государством. И нам должно славить русское оружие, но читая это письмо, нельзя не признать правоту и прозорливость этого перса. Нельзя не испытывать к нему уважения. Равно как и к генералу от инфантерии Петру Котляревскому. Не могу не процитировать письмо полностью.

«Генерал Котляревский!

Получив Ваше мирное предложение, считаю своим долгом высказать вам несколько едких и горьких слов, могущих произвести на вас самое неприятное впечатление своею правдивостью, отвергая ваше мнение по пунктам. Вы пишете: «я пришёл освободить Тальшинское ханство из рук персов», позвольте мне, генерал, не верить вашим лживым словам, ибо вы, говоря откровенно и прямо, явились закабалить и угнетать тальшинцев. Вы пришли не освободить Тальшинское ханство «из рук персов», а расширить свою территорию за счет чужой земли. Неужели вам тесно живется в своем величайшем в мире государстве, что вы ищете простора? Отличаясь ненасытной жадностью, ваши императоры поставили себе целью подчинить своей власти все слабые царства, а в особенности мусульманские, пользуясь их неподготовленностью к войне. Чем освободить чуждых вам людей, живущих на расстоянии двух тысяч верст от вас, не лучше ли избавить и спасти своих крестьян из-под гнёта и оков ваших помещиков? Вы предлагаете мне «сдать крепость добровольно; в противном же случае вы будете правы перед Богом и человечеством». Что за красивая и гуманная фраза? Разве вы веруете в Бога? Сомневаюсь: если бы вы веровали в него и любили бы человечество, то вы не вели бы своих несчастных солдат на бессмысленную бойню и на верную гибель, а пожалели бы их самих, жен и детей и дали бы им спокойно жить на родине, а не водили бы их на такую даль из-за пагубной прихоти вашего царя. Вы пишете: «во избежание напрасного пролития крови». Кто служит причиной пролития крови? Мы или вы? Оставив свою страну, невзирая на колоссальную её величину, вы, как разбойники, вломилась в наши пределы, грабя и убивая нас безжалостно. Мы о вас и не думали, но вы вторглись в наш край, изувлив нас своим кровожадным дьявольским ликом, заставляя нас упорно сопротивляться, чтобы не лишиться своей независимости и самостоятельности, стараясь удержать нашу золотую волю и свободу в своих руках. Мы с вами не воюем, а обороняемся от вас, как от нападающих диких хищных зверей, заявляя вам категорически, что мы все костями ляжем и поголовно умрём, а не сдадим крепости вам добровольно. Мне жаль ваших храбрейших солдат, служащих слепым орудием для достижения вашей разбойничьей цели: ваше начальство вознаградит только вас одних, как полководца, орденами и даже крупной денежной суммой за героический и отважный подвиг ваших доблестных солдат, коих оно обойдёт. Ещё один пример «великой гуманности» — поступок начальника отряда подполковника Ушакова, заслуживающий с вашей стороны «похвалы и одобрения»: не вступив с вами в бой из-за моих больших сарбазов, я второпях оставил Аркиван и направлялся к Ленкорани по лесистой дороге, желая спасти их от пленения, а позади следовали на обозе больные в сопровождении безоружных обозных людей и русских беглецов, в числе 350 человек, из коих больных воинов было 260, конюхов 40, а беглых солдат 50. Достигнув всех их на пути, батальон Ушакова взял в плен только русских беглецов, а всех остальных, числом в 300 лиц, изрубил шашкою, не оставив ни одного живого, как «бусурман», несмотря на то что они являлись живыми мертвецами. Так ли понимается вами любовь к людям? Где ваш Бог — Иисус, говорящий: «люби ближнего, как самого себя, и поднявший меч от меча погибнет». Где сказано, что надо убивать пленных, да ещё больных? На это

зверство, свирепость и жестокость способны только ваши солдаты. Основываясь на вашем евангельском изречении «поднявший меч от меча погибнет» — я уверенно предсказываю и предвозвещаю, что настанет то счастливое для Персии время, когда ваши солдаты, восставши против своих правителей, сами убиты всех генералов вместе с царём за то великое зло, какое они совершали над соседними государствами, и от них не останется никакого следа. Если бы наши бывшие подвластные ханы обладали бы прозорливостью, чувством солидарности и менее следовали бы своим личным интересам, то мы, соединившись вместе, сумели бы доказать свою правоту, но они обманулись и после будут каяться в своих необдуманных ошибках, но тогда будет поздно. «Во избежание пролития крови», я советую Вам пожалеть своих солдат и не принуждать нас сопротивляться, а вернуться обратно туда, откуда вы, как вредные и злые пришельцы, явились, оставив нас в покое: мы будем решительно и отчаянно обороняться и биться с вами до смерти за землю наших предков и за благополучие наших будущих поколений. Сжальтесь над людьми и перестаньте истреблять их: мы никому жизнь не давали, и отнять её у других не имеем никакого права: а потому вы не посылайте своих солдат на верную гибель, так как мы без ожесточённой борьбы не сдадим крепости.

Комендант крепости Садык-хан, 27 декабря 1812 года, г. Ленкорань».

Прочитав это письмо, генерал приказал начать артиллерийский обстрел.

После падения крепости из гарнизона Ленкорани в живых остался только один перс. Русские сказали ему: «Мы тебя не тронем. Иди и расскажи всем своим, как мы города берем». Генерал, награжденный за этот страшный штурм орденом Георгия 2-й степени, выжил, но был настолько искалечен, что его отправили в отставку, сразу после аудиенции у императора. Котляревский прожил потом без малого сорок лет, но про него почти все забыли — его подвиги затмила эпопея наполеоновских войн. Он поселился в Феодосии, дружил с Пушкиным и Айвазовским. До самой смерти генерал удивлял всех своим мужеством, переноса постоянные страдания. Жил он в бедности, а свою военную пенсию раздавал солдатам, которые постоянно его навещали. Гостям он показывал шкатулку, в которой хранились не золото и драгоценные камни, а сорок его костей, вынутых из искалеченного тела хирургами. Эти два героя были достойны друг друга — Садык-хан и генерал Котляревский, оба принесли себя в жертву, выполняя приказы своих бездарных монархов. Садык-хан погиб, а генерал оставшуюся жизнь прожил, мучаясь болью от ран. Это был страшный и бессмысленный бой. Ленкорань де-факто уже была занята русскими войсками, незачем было запирается в крепости. Военная история не знает случая, когда крепость осталась бы непокоренной. Мать Чингисхана Теркен-Хатун была вынуждена выйти из горной неприступной крепости, когда отсутствие дождей иссушило колодец с питьевой водой. Если в спешных действиях русского генерала было опасение того, что к персам подойдет помощь, то Садык-хан просто обрек своих людей на гибель. Надо было просто отступить в горы. Но он выполнял приказ.

— Что же было дальше? — спросил Фарик.

Мои мысли были далеко, я не сразу сообразил.

— Ты, о чем?

— О Сократе, конечно, о чем же еще.

— Как что. Он выпил цикуту и умер. А ты думал, обойдется?

Фарик засмеялся и погрозил мне пальцем.

— Вот ты иронизируешь, — упрекнул он меня, — а по последним данным Иисус Христос не умер.

— Это всем известно. Он вознесся в небо.

— Нет, — торжествуя сказал Фарик, — его похитили друзья из гробницы, и он бежал в Индию и прожил там до 120 лет.

— Иди ты...

— Сам иди, — Фарик был доволен произведенным впечатлением. Он разлил остатки водки по рюмкам.

— Ты же за рулем, — заметил я ему.

— Знаю, не надо мне каждый раз напоминать об этом. Давай за Сократа, — предложил он.

— Это хороший тост, — одобрил я.

Мы допили то, что оставалось от первой бутылки.

— Почему о Сократе ты заговорил?

— К слову пришлось.

— К какому слову. Мы же говорили о твоём отце.

— Уже не помню.

— А про кино — «Жизнь Пи»?

– Да, теперь сошлось. Корабль терпит крушение, и на лодке оказываются свирепый тигр из зоопарка и его хозяин, молодой парень. Тигр все время бросается на него, а тот спасается в океане. Но в скором времени тигр перестает рычать на него, привывает. Более того, тигр заболевает отчего-то, и парень выхаживает его. Близость двух существ посреди океана. Человек привязывается к зверю, как к родному существу. Но когда в итоге их выбрасывает на берег, тигр, обязанный жизнью человеку, уходит, даже не оглянувшись, оставляя человека в одиночестве. Так и мой отец, я любил его, а он ушел, не оглянувшись. Хотя в жизни должно быть наоборот, дети уходят, забывая родителей.

– С кино мы разобрались. А Сократ?

– *Даймоний*, или проще говоря – демон, его внутренний голос, был просто-напросто сильно развитой интуицией. Сократ всегда поступал так, как говорил ему демон. И это не раз спасало его от неприятностей. И даже от смерти. Ты знаешь, у меня тоже хорошая интуиция. Беда в том, что я ее никогда не слушаю. А то бы я избежал в жизни многих проблем. Например, оба раза, когда я выходил из дома, направляясь в ЗАГС, внутренний голос, мой демон, говорил мне – не делай этого, садись в автобус и езжай в другую сторону, скройся, откажись. Но я поступал под действием рассудка и своей порядочности. В итоге два развода и две дочери, которые со мной не знают. Что характерно: с одной я в ссоре, а с другой нет, но ни та, ни другая во мне не нуждаются. А ведь не надо было думать. Это иллюзия, что человек соображает. Сократ считал, что человек не может мыслить, это невозможно. Движение его мысли есть не что иное, как воспоминание его бессмертной души. Душа вспоминает свои беседы с Богом, а человек ошибочно считает, что он мыслит.

Я взялся за ледяное горлышко непочатой бутылки, охлаждая свой внутренний жар.

– Открыть? – спросил стоявший неподалеку подавальщик.

– Нет, сынок, не надо, унеси, мы не будем больше пить, – сказал я.

Фарик при этих словах облегченно вздохнул. На этом мы закончили нашу трапезу, или лучше сказать – тризну. После долгих споров и препирательств мне удалось заплатить по счету, и мы вышли из таверны. Оставить здесь автомобиль Фарик отказался наотрез.

– Ты сутомурдовских не знаешь, – сказал он мне, человеку, выросшему в Сутомурдове, – за ночь они все колеса с машины снимут и зеркала.

Я отказался ехать с ним. Не потому, что он был выпивши, меня трезвого-то укачивало на этих сопках Манчжурии, а уж после бутылки водки нечего было и думать об этом. Мы обнялись на прощанье, он поехал своей дорогой, а я – своей. Вернее, он поехал, а я пошел следом. После обильного возлияния пешая прогулка на свежем воздухе только на пользу.

В нетопленном на протяжении всей зимы доме оказалось холодней, чем на улице. Когда-то отец получил служебную жилплощадь как военнослужащий. Затем уволился из армии и уехал. Нас долго пытались выселить, но за мать вступились соседи, жены офицеров. Так мы остались жить в русском военном городке. Где теперь эти прекрасные благородные женщины, отправившиеся делегацией на прием к военному прокурору. Ложиться спать в стылom доме было рискованно, и я стал топить стенную печь.

*Я камин затоплю, буду пить,
Хорошо бы собаку купить.*

Кроме собаки, все было при мне. Я сидел перед открытой конфоркой, глядя на бушующий в топке огонь. На стене, скособочившись, висела книжная полка. Я наугад, в полутьме, взял одну из книг. Это был Волков «Волшебник изумрудного города». Закладкой оказалась моя детская фотография, пополам отхваченная ножницами. Пятилетний малыш тарасил на себя, состарившегося, глаза. О том, кто был слева, догадаться было нетрудно. Мать вырезала из совместных фотографий все изображения отца. Сейчас я жалел об этом. Я его совсем не знал. Каким он был человеком? Мне было бы интересно просто поговорить с ним, не как отец с сыном, а как человек с человеком. Я бы не стал спрашивать, почему он бросил нас. Для меня в этом не было загадки. Отец без памяти влюбился в молодую вдову, не давал ей проходу, пока она не согласилась выйти за него. А потом у отца любовь прошла, и он уехал. Там встретил новую любовь. А потом он ушел и от той женщины. Разве же можно в таком серьезном деле, как брак, полагаться на такое эфемерное чувство, как любовь. Жизнь дорогого человека прошла вдали от меня. Я не знал, как он жил, как умер, кто был рядом с ним в последнюю минуту, где похоронен? Я смотрел на усеченную фотографию и, как это водится в средневековой восточной литературе, вспоминал приличествующие моменту стихи. Память меня не подвела.

*Глаз не в силах увеличить,
шесть на девять, тех, кто умер.
Кто пророс густой травой,
впрочем, это не впервой.
От любви бывают дети,
ты теперь один на свете
помнишь песню, что, бывало,
я в потемках напевала.
Это кошка, это мышка,
это лагерь. Это вышка,
это время тихой сапой
убивает маму с папой.*

Лагерь с вышкой, здесь, конечно, лишнее, но остальное как нельзя лучше подходит... И все-таки не удержался от слез! Как глубоко все это сидит.

Год спустя в телефонном разговоре с Фариком я узнал, что тетка умерла, и эта новость застала меня врасплох. Я по-прежнему был уверен в том, что поступил правильно, отказавшись от встречи с ней, но сейчас перед лицом смерти моя правота куда-то испарилась, и я почувствовал, как жалость горячей рукой сжала мне сердце. Великодушие, в отличие от обиды, не разрушает сердце — исцеляет, но правильность поступка, к сожалению, понимаешь, только когда время упущено.

СДЕЛКА ПО СОВЕСТИ

Завод лежал на окраине города, собственно, это был не полноценный завод, а филиал столичного предприятия, попросту говоря, большой цех. Чтобы попасть туда, надо было сойти с автобуса, на стекле которого было написано «Даирави», что означает — округность, то есть это был кольцевой маршрут: затем прошагать вдоль трассы еще примерно с километр, после свернуть с шоссе налево и сто метров по раздолбанной дороге вдоль предприятий, слева АТП-1, справа ЖБИ-2, и вот перед вами он — ЛРМЗ. Завод граничил с полем, за ним громоздились цеха консервного комбината, а далее, в перспективе высились Тальшские горы. А вот если с шоссе повернуть направо и перейти железную дорогу, по которой два раза в сутки проезжал поезд «Баку — Астара», утром — туда, вечером — обратно, то открывался изумительный вид на то, что древнегреческие кондотьеры, возвращаясь из Персии, встречали возгласом: «*О Таласца!*» Хотя завистники, проживающие в республиках, не имеющих выхода к морю, упорно именуют Каспий большим озером.

Летом в обеденный перерыв можно было легкой трусцой покрыть это расстояние за 10 минут и окунуться в теплые морские воды. Но сейчас была зима, и поэтому в обеденный перерыв Оглан¹ сидел на стопке нарубленных на гильотине заготовок, подложив под себя брезентовые рукавицы, и курил, пуская кольца. В цеху он был один, поскольку бригада ушла кормиться в столовую завода железобетонных изделий, где любое блюдо, будь то первое или второе, — стоило один рубль. Пресловутый рубль у Оглана имелся, но он решил его прокутить вечером после работы, когда они компанией будут совершать променады по городу в поисках развлечений.

В приоткрытую дверь в цеховых воротах на фоне камышей, тянущихся к небу вдоль ручья, были видны большие падающие снежинки. В таких камышах, помнится, он сживал с отцом, охотясь на утку. Правда, это было очень давно, детское воспоминание. Иной раз не вспомнишь даже того, что было месяц назад, а это втемяшилось в башку так, что и не выкинешь. Хотя от этой памяти, кроме грусти, пользы никакой. Отец потом уехал на заработки и уже не вернулся, затерялся в бескрайних просторах Сибири. Раньше туда ссылали на каторгу, а сейчас едут добровольно за длинным рублем, как говорит сосед, дядя Коля, прапорщик. Ни длинных, ни коротких рублей мать от отца не дождалась, как и его самого, но речь, собственно, не о том.

Итак, он пускал кольца из дыма. В одном из таких колец нарисовалась фигура, точь-в-точь джин из волшебной лампы. Вошедший Киши² был невысок, немолод, смугл, горбонос и небрит, то есть его вполне можно было принять за джина, если бы он не

¹ Оглан — мальчик, парень.

² Киши — мужчина.

был таким щедушным. Несмотря на месяц декабрь, был без пальто, в одном пиджаке, надетом на свитер, в галошах. Притягивали взгляд его толстые вязаные черно-красные деревенские джорабы¹, в которые были заправлены дешевые бумазейные брюки в крупную белую полоску. Вошедший крутил головой, оглядывая помещение, словно не замечая Оглана, затем все же подошел к нему, кивнул, здороваясь, и спросил.

— Говорят, здесь можно купить газовую печь?

— Можно, — ответил Оглан, напустив на себя равнодушие, хотя внутренне подобрался.

После этого наступило долгое молчание, словно разговаривали не два южанина, а два английских джентльмена. Наконец Киши не выдержал и спросил:

— Говорят, хорошая вещь?

— Правильно говорят, — подтвердил Оглан.

— А можно взглянуть? — попросил Киши.

Оглан поднялся и пошел в дальний угол, где за неработающим кромкогибом, замаскированная тряпьем, лежала собственноручно изготовленная газовая печь. Взял ее на грудь, принес и поставил на стопку заготовок.

Киши придирчиво оглядел ее со всех сторон. Достал из кармана рулетку, обмерил со всех сторон. Зачем-то постучал по ней, прислушиваясь к звуку.

— И что же, она хорошо греет? — строго спросил он.

— Очень хорошо, — ответил Оглан, — на ней можно греть все что угодно. Чайник на ней всегда горячий, лишний раз кипятить не надо, наливай, сиди и дуй себе в блю-дечко целый день. Да что там чай, на ней готовить можно. Газу прибавил и жарь себе яичницу. Или, например, *пшти*² — с утра ставишь на нее кринку, заправляешь в нее кусок баранины...

— Какую еще кринку? — перебил его Киши.

— Кринка — это такой глиняный горшочек.

— Питишница, что ли?

— Можно и так сказать, но вообще у каждого сосуда должно быть свое название, нельзя именовать предметы по функциональности...

— Я вижу, ты парень грамотный, в институте, наверное, учишься? — вновь перебил его Киши.

— Есть немного, — согласился Оглан, — но пока не учусь... Короче, заправляешь в кринку кусок баранины, одну картофелину, одну луковицу, ложку *нохуда*³, соль, перец, несколько стружек курдючного сала, бакинцы еще туда каштан кидают, но наши повара считают это позерством, и стоит там эта, как ты ее поименовал, питишница часов пять или шесть на медленном огне. Приходишь с работы домой замерзший, а тебе жена сразу на стол бац горячий горшочек, даже не надо произносить заклинание — горшочек, вари, он уже сварил.

Юмора Киши не оценил, видно, в детстве не читал этой сказки. Но упоминание о пити не на шутку взволновало посетителя.

— Пити — это хорошо, — согласился он. — И сто грамм можно выпить под это дело, а закусить маринованным *бибяр*⁴. А ты знаешь, как талыши едят пити? Они в тарелку крошат лаваш и заливают его бульоном, съедают, а уж потом добирают мясо и все остальное, как будто первое и второе, очень практично, понимаешь!

— А ты талыш? — зачем-то спросил Оглан, хотя это было очевидно.

— Талыш, а ты разве нет?

— Нет, я азербайджанец.

— Да ладно, в ленкоранской зоне все талыши, это исконная талышская земля.

— Ну что ж, пусть будет исконная, она же посконная, суконная и даже домотканная.

Но я азербайджанец, — настаивал Оглан.

— Ну и ладно, так сколько ты за эту печку просишь?

— Я ничего не прошу, — пожал плечами Оглан, — ты спрашиваешь, а я отвечаю.

— Давай в слова играть не будем, какова ей цена?

Оглан кашлянул, объявить цену всегда было для него проблемой. Казалось, что он делал все, как другие работяги. Приобретал у гильотинщиков заготовки, собирал, обваривал все швы, конечный продукт получался не хуже, чем у опытных мастеров. Но, когда приходило время объявить покупателю цену, тушевался и называл меньше, чем собирался. Печь стоила 25 рублей — это была твердая цена, а старшие товарищи в бригаде за меньшую цену продавать не разрешали, чтобы не сбивать цены, потому что покупатели язык за зубами не держали; одному уступишь, второй приходит и

¹ Джорабы — носки.

² Томленный суп из баранины, национальное блюдо в Азербайджане.

³ Нохуд — горох.

⁴ Бибяр — перец чили.

ссылается на имярека, купившего дешевле. Некоторые умудрялись всучить изделие и за 30, и за 35 рублей. Он лишь раз продал печку за 25 рублей какому-то барыге с Большого базара, владельцу новехоньких жигулей «Лада-2103» вишневого цвета, однако, когда, вступив в лужу (поскольку тот так припарковался неудобно), погрузил ее в багажник машины и вернулся в свой цех, оказалось, что покупатель загнул три рубля. Оглан долго материл его вслед, благо великий русский язык помог полноценно выразить свои чувства.

— Двадцать пять, — неуверенно сказал Оглан.

Киши вытянул из кармана пачку «Авроры» и протянул Оглану. Наш герой не курил сигареты без фильтра с тех пор, как вернулся из армии и стал работать, только «Столичные» или, на худой конец, «Родопи», но отказаться и достать свои не решился, чтобы не обидеть человека отказом. Он закурил предложенную сигарету, ощущая горечь на губах, незаметно исплевывая прилипшие табачинки.

— Я здесь недалеко работаю, в МТС перегонщиком, — заговорил Киши, — трактора ремонтные гоняю. Зарплата маленькая, хотя, конечно, если бы в поле работал, больше бы платили, но и там сейчас расценки снизили. Так кринка — это, значит, *пятишница*? — зачем-то переспросил Киши. — Надо запомнить, — он ласково провел ладонью по печи. — Хорошая вещь, я о ней слышан, специально пришел, давно хочу купить, семья мерзнет, от казенной разве тепло есть? Нету. Были бы деньги, сразу купил, даже торговаться не стал, — Оглан ощутил комок в горле. Киши словно почувствовав, печально поглядел на него. — Вчера еще обещали дать тринадцатую. Не дали, говорят, в банке денег нет, и зарплату до сих пор не выдали, а то бы я купил, не хватит у меня денег... Холод собачий в доме, дети мерзнут. С казенной печи разве тепло есть? — сокрушенно покачал головой, стоял понурясь.

Оглан физически чувствовал, как жалость мощной лапой хватает его за горло и души.

— Сколько у тебя денег? — спросил он.

Киши полез в карман, выгашил две мятые пятерки. Оглан покачал головой и закурил новую сигарету, но уже свою с фильтром.

Филантропия тоже имеет свои пределы, за металлические заготовки он заплатил гильотинщикам пять рублей, три отдал токарю за форсунку и нарезку резьбы на трубку-переходник, два рубля — мастеру за то, что тот закрывал глаза на халтуру, хотя изделие изготавливали из обрезков, можно сказать, из отходов металла, — итого, десять рублей уходило только за материалы. Несколько дней он оставался после смены и мастерила эту печь. Нельзя же продавать изделие по себестоимости, Карл не позволяет.

Киши внимательно все выслушал, согласно кивая, только спросил, кто такой Карл.

— Ты что же, на политзанятия не ходишь? — удивился Оглан.

— Нет, а что?

— А на демонстрации, допустим, первомайскую? Плакаты там люди несут, а на них написано: Карл Маркс, Фридрих Энгельс. Прибавочная стоимость и прочее.

— Ах, вот ты о ком, а я думал, ты начальника цеха имеешь в виду.

— Йок, — сказал Оглан, — начальника цеха зовут Мазаир Селимов, маленький такой, седой, у него «Лада-2106». Так что извини, я благотворительностью не занимаюсь, это не ко мне, *кясуб огланам*¹, мне тоже кормиться надо. Я месяц назад из армии пришел, и чтобы сфотографироваться на паспорт, пришлось у соседа дяди Коли пиджак одалживать, потому что мой мне был мал, а на новый еще не заработал. На работу в солдатском бушлате хожу.

Этот душераздирающий монолог впечатления на Киши не произвел, он молчал какое-то время, думая о чем-то, затем вдруг хлопнул себя по лбу, полез во внутренний карман пиджака и выцепил оттуда еще пятерку.

— Вспомнил, — воскликнул он, — жена на сахар дала, забыл совсем. Ну как, по рукам, а?

Оглан затоптал недокуренную сигарету, мучаясь под взглядом покупателя, и с досадой произнес:

— Забирай, ладно. Только, за сколько купил, никому ни слова.

— Клянусь, а можно я с тряпкой возьму?

Оглан безнадежно махнул рукой. Покупатель аккуратно завернул вождеденную печь, взял на бок и, перекашиваясь под тяжестью, направился к выходу. «Мог бы спасибо сказать», — подумал Оглан, следя за уходящей фигурой. Он запечатлел его в дверном проеме, а затем человек исчез в разыгравшейся снежной метели, словно его и не было.

¹ Кясуб огланам — я бедный парень.

* * *

— Мама, твой любимчик пришел, — сообщила сестра.

— Как хорошо, что ты пришел сынок, — улыбнулась мать, глядя поверх очков. В руках она держала шитье.

— Добрый вечер, — сказал Оглан.

Он снял армейский ватник и прошел в комнату. Сестра принесла таз для омовения и стала поливать ему из кувшина на руки. Мать умиротворенно смотрела на них. Оглан вполне мог бы умыться и во дворе холодной водой из рукомойника, но у них был ритуал. И всем это доставляло удовольствие: матери, многие годы жившей без мужчины в доме, Оглану, почувствовавшему себя взрослым, и даже старшая сестра делала вид, хотя до последнего времени его терпеть не могла.

После ужина Оглан положил на стол перед матерью пять рублей.

— Получите, — сказал он, — печку сварганил, мог бы в два раза больше заработать, но клиент бедный попался, на жалость надавил, по дешевке отдал.

— Ничего, сынок, правильно сделал, перед богом тебе это зачтется, — заметила мать. Оглан кивнул и стал одеваться. — Куда на ночь глядя? — спросила мать.

— Пойду прошвырнусь по Бродвею.

— Какому еще Бродвею?

— По проспекту Ленина, может, кого из ребят встречу, а нет, так погреюсь у Вечного огня и обратно.

— Остался бы дома, отдохнул, завтра чуть свет на работу.

— Ничего, я недолго, отмечусь у памятника Неизвестному солдату и обратно. Надо проветриться, весь день гарью электросварки дышал.

— Ну, если так, то иди.

* * *

Когда Киши вошел в комнату, окрест на занесенных снегом предгорьях полноправно лежала дивная синяя ночь, он размотал тряпку и поставил печь рядом со старым радиатором. Взглянул на часы, стрелка подбиралась к 23.00. Он тратил на дорогу два часа с пересадками на двух автобусах, да еще они не вовремя ходили. Жена встретила его словами:

— Ты сегодня поздно, а это что такое?

— Газовая печь, — довольно сказал Киши, он был в хорошем настроении, — ручная работа, на ней готовить можно, чайник ставишь, весь день горячий, кипятить не надо лишний раз.

— Дорогая?

— Недешево, пришлось отсчитать кровных манатов, заработанных непосильным трудом, а что поделатъ, хорошая вещь своих денег стоит. Вот стоит казенная, разве от нее тепло есть, нету. Но ничего, женщина, я сегодня богатый, зарплату дали и тринадцатую, целых триста рублей, на, убери.

— Иди мой руки, садись ужинать.

— Не буду, я уже поел, с ребятами посидели немного в столовой.

— Да-а? И что же ты ел?

— Пити.

— Пити?! Ну надо же, мы, значит, с детьми картошкой на подсолнечном масле будем давиться, а ты пити будешь кушать, молодец! И водки выпил, как я погляжу.

— Да одну бутылку на троих выпили. Да меня ребята угостили. Не кипятись, чего взъелась. Что, я не могу с зарплаты в кафешке посидеть в кои веки. Целыми днями работаю как проклятый, можно сказать, света белого не вижу, ухожу — темно и прихожу — темно. Дети узнавать перестали, в воскресенье видят, пугаются, плачут.

— Ладно-ладно, осади, чего разошелся, — жена стала пересчитывать деньги. — Здесь только двести семьдесят пять, выходит, двадцать пять манатов заплатил?

— У тебя с математикой всегда хорошо было, — заметил Киши.

— Да уж недешево, — сварливо сказала жена, — вот мироеды, надеюсь, печка того стоит.